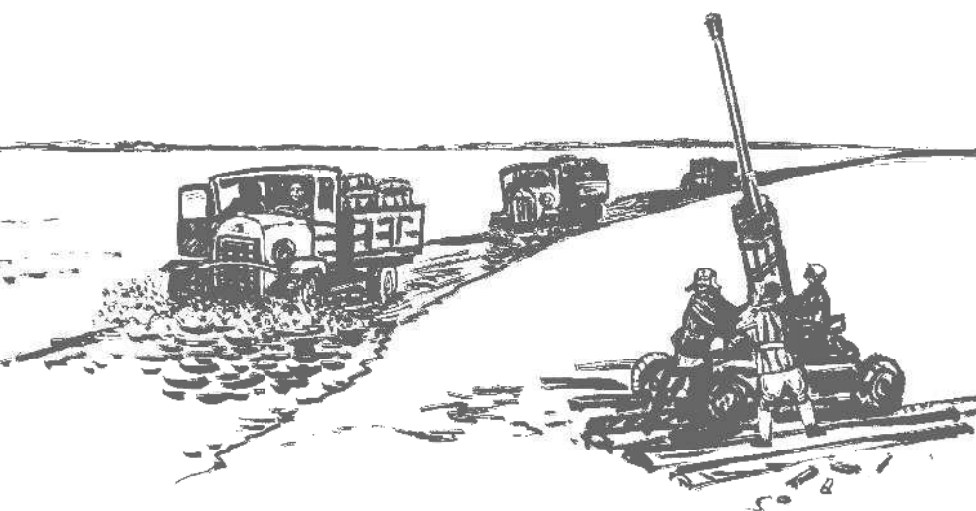
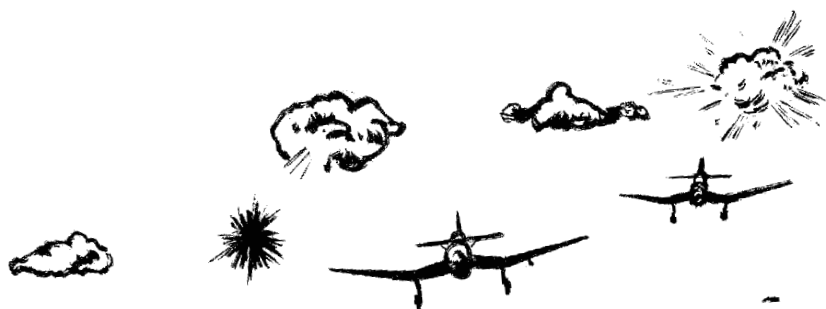

АЛЕКСАНДР ЧАКОВСКИЙ

БЛОКАДА

КНИГА I

*Легендарные романы
об осажденном городе*

Москва
2019

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-16

Для оформления обложки использовалась
иллюстрация художника *А. Дурасова*

Чаковский, Александр Борисович.

Ч-16 Блокада. Книга I: легендарные романы об осажденном городе / Александр Чаковский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 704 с.

ISBN 978-5-04-097530-3

К 75-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА. Легендарный роман-откровение Александра Борисовича Чаковского. Выдающийся советский писатель и журналист, военный корреспондент достоверно и с хронологической точностью рассказывает о событиях, предшествовавших войне, обороне Ленинграда, о страшных буднях осажденного города, работе Дороги жизни и прорыве блокады зимой 1943 года.

Пронзительный и мужественный рассказ переносит читателя в то тяжелейшее время, когда голод и смерть соседствовали с беспримерным мужеством, разрывающий душу ужас — со стойкой уверенностью в победе. Как на пороге мучительной гибели не поддаться страху, не опуститься до подлости, а остаться Человеком с большой буквы, олицетворяющим защитников города?

Сюжет романа лег в основу одноименной киноэпопеи, посвященной стойкости и героизму ленинградцев, выстоявших и не сломавшихся в смертельном противостоянии с врагом.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097530-3

© Чаковский А.Б., наследники, 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Ну, а теперь скажи: как ты решился? Как?!

Они сидели в маленьком номере гостиницы «Москва», куда Звягинцева только что переселили. Из Кремля Звягинцев возвращался вместе с Королевым, и жили они вот уже пять дней вместе, то есть в одной гостинице и на одном этаже, только полковник Королев — в отдельном номере, а майор Звягинцев — в общежитии на пять коек.

Однако сегодня, когда они проходили мимо дежурной по этажу и Королев взял ключ от своей комнаты, а Звягинцев уже сделал несколько шагов по коридору, полагая, что у них в номере наверняка кто-нибудь есть, он был остановлен голосом дежурной.

— А вас переселили, товарищ командир, — сказала ему дежурная, невысокая, пожилая блондинка с очень бледным лицом альбиноски и ярко накрашенными губами. — И вещи ваши уже перенесли. Чемоданчик. В отдельный номер!

— Вы это мне? — недоуменно переспросил Звягинцев. — Но ведь мы сегодня вечером уезжаем. «Стрелой».

— Не знаю, не знаю, распоряжение дирекции. — Она протянула Звягинцеву ключ, многозначительно улыбаясь, так, точно желая дать ему понять, что говорит далеко не все, что ей известно.

— Здорово! — усмехнулся Королев. — Четко работают! А ну, давай, майор, пойдем, покажи свои новые владения.

— Зачем же это? — удивленно поднял брови Звягинцев, когда они вошли в номер — маленькую комнату, в которой тем не менее умещалось много мебели: письменный стол, два кресла, кровать, застеленная голубым покрывалом, другой

стол — маленький, круглый, стоящий посредине комнаты под свисающим с потолка ярко-синим матерчатым абажуром.

Полуоткрытая дверь вела в ванную.

— Чего же я тут буду делать? — растерянно озираясь, сказал Звягинцев. — Ведь через три часа...

Он отвернул рукав гимнастерки и посмотрел на часы.

— Что делать? — переспросил Королев. — Ха! Это ты меня спроси. Я знаю.

Он решительно подошел к письменному столу, снял трубку телефона и, набрав на диске три номера, сказал:

— Ресторан? Значит, так...

...И вот они сидят за круглым полированным столом. Официант только что принес на большом подносе заказанный Королевым ужин — бифштексы, прикрытые, чтобы не остыли, опрокинутыми глубокими тарелками, картошку в металлическом судке, селедку, обложенную колечками лука, бутылку коньяку, рюмки — и, расставив все это на столе, ушел.

— А теперь вот что, — сказал Королев, усаживаясь и вытягивая под столом ноги в до блеска начищенных, плотно облегающих икры сапогах, — и есть не буду, и пить не буду. И тебе не дам. Пока не скажешь. Как же ты решился? Ну, давай, давай! Рассказывай.

Звягинцев пожал плечами и смущенно улыбнулся:

— Послал записку в президиум. Не был даже уверен, что дойдет... Вот и все.

— Ну, знаешь!

Королев развел руками, потом взял бутылку, пошарил взглядом по столу в поисках штопора. Не нашел, зажал бутылку в своем большом кулаке, энергично покрутил ее, пока жидкость фонтанчиком не устремилась в горлышко, и резким ударом ладони о дно бутылки вышиб пробку.

— Сильно, — снова улыбнулся Звягинцев.

— А у меня батя извозчиком был. Гужевым транспортом владел в одну лошадиную силу. Так он с пробочником обращаться не умел. А ведь раньше бутылки настоящими пробками затыкали. Так что я с детства этот университет прошел.

Он налил коньяк в рюмки, посмотрел на Звягинцева, недоверчиво покачал головой и усмехнулся:

— Значит, говоришь, записку? Вынул блокнотик, черкнул пару слов, и все?

Звягинцев молчал.

— Но хоть кто ты есть — написал? — не унимался Королев. — Может, тебя за какого генерала приняли? Звание-то, звание свое указал?

— Давай выпьем, что ли, Павел Максимович, — сказал Звягинцев, внезапно почувствовав неимоверную усталость, и потянулся к рюмке.

— Нет, погоди! — воскликнул Королев и, быстро протянув руку, накрыл рюмку Звягинцева своей широкой ладонью. — Хочу уяснить. Ну скажи мне кто-нибудь, что Алешка Звягинцев первый в атаку кинулся, — поверю. Мину неизвестной конструкции собственноручно разрядил... Допускаю, вполне возможно. Но тут... Елки зеленые! Сталин! Нарком! Маршалы!.. И вдруг: «Слово предоставляется товарищу Звягинцеву, Ленинградский военный округ!» Я сначала и не понял: как будто все свое окружное начальство знаю, что, мол, еще за Звягинцев такой! Гляжу — мать рódная — его превосходительство Алексей Васильевич по проходу шагает... Слушай, вот тебе слово мое даю: если б я в то время стоял, а не сидел, — ноги бы от страха за тебя подкосились!

Королев снова развел руками, потом тряхнул своей тяжелой головой и сказал:

— Ладно. Пьем. Поздравляю! Нет, погоди! — спохватился он и снова прикрыл рюмку Звягинцева ладонью. — Сначала самое главное. О чем тебя товарищ Сталин спросил?

— Ты же слышал.

— Слышал, слышал! Тут от одного факта, что лично его слова слушаешь, голову потеряешь. Всех ораторов записывал, а тут пропустил. Вот, погоди...

И Королев, повернувшись вместе со стулом, потянулся к своему планшету, лежащему на письменном столе, вытащил большой блокнот и стал перелистывать его, приговаривая:

— Так... Мерецков... Грендаль... Кузнецов... А где же ты-то у меня? А ведь я тебя пропустил, майор! Ей-богу, пропустил! Так за тебя переживал, что и не записал. Ну, это потом.

А сейчас ты мне реплику товарища Сталина повтори. Ну? Только давай слово в слово.

И Королев вытащил вечную ручку из нагрудного кармана гимнастерки, отвинтил колпачок и, встряхнув ручку, приготовился писать.

— Слово в слово не помню, — сказал Звягинцев.

— То, что Сталин сказал, не помнишь? — с искренним недоумением переспросил Королев.

— Слово в слово не помню, — тихо повторил Звягинцев. — Я ведь тоже очень волновался... Погоди. Я, кажется, сказал, что у нас не хватало техники, чтобы...

— Я тебя не про то, что ты говорил, спрашиваю, — сердито прервал его Королев, — я слова Иосифа Виссарионовича записать хочу!

— Но я же об этом и говорю, — с неожиданным для самого себя раздражением сказал Звягинцев. — Когда я обо всем этом рассказал, он прервал меня и спросил: «А скажите, вы считаете, что инженерные части должны обладать...»

— Да не торопись ты! — с отчаянием воскликнул Королев. — Что я тебе, стенографистка, что ли! Давай медленнее. — Он локтем отодвинул в сторону тарелку с бифштексом, положил перед собой блокнот и приготовился писать. — «А скажите...» — сосредоточенно водя пером по бумаге, повторил Королев.

— Я не уверен, что он произнес именно эти слова, — прервал его Звягинцев. — И дело, мне кажется, не в букве, а в смысле того, что было сказано.

— Та-та-та-та! «В смысле», видите ли! — передразнил его Королев и уже с обидой в голосе продолжал: — Ну конечно, чего там майору Звягинцеву с каким-то полковником Королевым возиться! Его сам товарищ Сталин слушал, не говоря уже о разных там маршалах и генералах! — Он нахмурил свои густые, чуть тронутые сединой брови и добавил уже иным, холодно-назидательным тоном: — А только меня воспитывали так, чтобы слова товарища Сталина цитировать точно. Не знаю, как другие, а только я...

— Павел Максимович, ну зачем ты так... — снова прервал Звягинцев, чувствуя, что все его раздражение прошло,

и внутренне сам удивляясь, как это, в самом деле, он мог забыть слова, сказанные Сталиным, — не смысл вопроса, нет, это он помнил отлично, но сами слова.

Звягинцев попытался сосредоточиться, вспомнить и снова всем существом своим, всеми мыслями перенесся туда, где провел последние четыре дня...

О том, что в Москве созывается ответственное совещание, посвященное итогам недавно закончившейся войны с Финляндией, Звягинцеву стало известно еще две недели назад. Об этом ему сказал начальник инженерного управления округа, когда приказал подготовить материалы о действиях инженерных войск и в случае необходимости выехать с ними в Москву.

Это было вечером, перед самым концом рабочего дня.

Звягинцев вышел из здания штаба и пошел пешком по проспекту 25-го Октября, который все по старой привычке называли Невским, до Литейного, чтобы там сесть на автобус. Звягинцев совершал этот путь каждый день, возвращаясь с работы. Каждый день, с тех пор как кончилась советско-финляндская война и он вернулся домой, в Ленинград, хотя раньше, до войны, он экономил время и, возвращаясь с работы, садился в трамвай уже в самом начале Невского, на углу улицы Гоголя.

За время войны Звягинцеву удалось только один раз побывать в городе, и он поразил его. Вернувшись на короткое время с фронта в штаб, он впервые увидел город погруженным во мрак. Ночная темень там, среди сугробов на Карельском перешейке, разрываемая лишь призрачными огнями сигнальных ракет, казалась естественной, несмотря на грохот артиллерийских разрывов и мягкий свист снайперских пуль — точно умелая мальчишеская рука бросает в воду плоские камешки.

Но тут все воспринималось иначе. Здесь не стреляли, не было снежных сугробов, но вид огромного города, который, сколько помнил себя Звягинцев, каждый вечер загорался десятками тысяч огней, а теперь стоял погруженный во тьму, производил тяжелое, давящее впечатление.

И не только на него одного. Все ленинградцы пережили финскую войну гораздо острее, чем остальные советские люди. Впервые со времен революционных боев и последу-

ющей разрухи город погрузился во тьму: ожидали налетов финской авиации. В госпитали и больницы стали привозить раненых и обмороженных людей.

...Хотя прошли уже недели после того, как кончилась война, Звягинцеву все еще доставляло огромное удовольствие пройтись по Невскому, снова сияющему огнями фонарей, окон и витрин, радуясь ощущению, что все по-старому и что привычный ему мир незыблем.

Случилось так, что Звягинцев, один из командиров управления инженерных войск округа, стал в военные месяцы одним из непосредственных помощников начальника управления. Его предшественник уже на второй день войны получил тяжелое осколочное ранение в голову, когда инспектировал передовую линию укреплений.

По опыту своему — ему было всего двадцать восемь лет, и он только два года назад окончил военно-инженерную академию — Звягинцев, казалось, для такой высокой должности не подходил. И тем не менее он оказался на месте. К тому же Звягинцева любили. Два раза подряд его, так же как и полковника Королева, избирали в бюро партийной организации штаба округа.

И вот теперь, получив приказание готовить материалы для предстоящего совещания в Москве, Звягинцев медленно шел по Невскому в толпе гуляющих. Навстречу ему и обгоняя его, спешили девушки в беретах, последние годы вошедших в моду, в длинных, узких юбках и в туфлях на низком каблуке, юноши, тоже в соответствии с установившейся в последнее время модой, в серых фланелевых брюках и темных, суженных в талии пиджаках, в голубых рубашках с длинными, острыми углами воротников и в галстуках, повязанных широким, квадратным узлом. На каждом углу продавались цветы. У знаменитого кафе «Норд» стояла небольшая очередь... Все это было так знакомо Звягинцеву, так привычно радовало глаз, что воспоминания о недавней короткой, но кровопролитной, в чем-то серьезно нарушившей привычный ход мыслей войне как-то тускнели и расплывались.

...Что ему предстоит тоже ехать в Москву, Звягинцев узнал всего за два дня до отъезда.

Все остальное произошло быстро и не оставляло времени для размышлений.

Рано утром автобусы доставили приехавших в «Стреле» ленинградских армейцев и моряков в гостиницу «Москва», где для каждого из них, в соответствии со званием и должностью, были уже приготовлены номера и общежития, они успели только поставить свои чемоданы, наскоро побриться и отправились в Кремль. От гостиницы до Спасских ворот было рукой подать — только перейти Красную площадь, но в комендатуре у окошка, где выдавались пропуска, пришлось задержаться: слишком много было народу.

Однако в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца все попали вовремя, и только здесь, в зале, очутившись среди высших командиров Красной Армии и Флота, командующих и начальников различных родов войск, пехотинцев, артиллеристов, летчиков и моряков, Звягинцев понял, куда он так неожиданно-негаданно попал.

На совещании присутствовал Сталин.

Когда он появился из боковой двери президиума и, сопровождаемый идущими на два-три шага позади маршалами и генералами, пошел вдоль длинного, покрытого красным сукном стола, все в зале встали со своих мест и грохот аплодисментов слился со стуком откинувшихся сидений.

Но председательское место занял не он, а Ворошилов. Рядом сел Маршал Советского Союза Тимошенко.

Сталин же, с которого не сводил глаз Звягинцев, сел сбоку в одном из дальних рядов президиума, но уже через несколько минут вынул из кармана трубку, встал и начал медленно прохаживаться за спинами сидящих в президиуме людей. В сером, так хорошо известном по портретам кителе, в прямых, невоенного покроя брюках, заправленных в сапоги, с трубкой в полусогнутой руке, он бесшумно передвигался взад и вперед, иногда присаживаясь на свое дальнейшее место в ряду — разумеется, его никто не занимал — и снова вставая, чтобы продолжить свое медленное и тихое хождение.

Время от времени Сталин останавливал выступающих, задавая им вопросы или бросая короткие реплики.

В зале стояла тишина, но, когда Сталин замедлял свой и без того медленный бесшумный шаг и пристально смотрел на оратора или слегка приподнимал руку с зажатой в кулаке трубкой, тишина становилась еще более ощутимой, потому что все понимали: он хочет что-то сказать. И тогда тот, кто стоял на трибуне, невольно умолкал и оборачивался в сторону Сталина.

Совещание длилось несколько дней. С первого же дня оно приобрело острый дискуссионный характер. Один за другим поднимались на трибуну военачальники, чьи имена были хорошо известны Звягинцеву, чьи лица он знал по портретам. Все выступавшие единодушно отмечали, что Красная Армия имеет надежное вооружение. И тем не менее, утверждали ораторы, личный состав армии, особенно пехоты, знает военную технику недостаточно и не умеет ее использовать в зимних условиях. Почти все говорили о том, что северо-западный и северный театры военных действий были плохо подготовлены к операциям, о нехватке минометов и лыж, которыми в большом количестве обладали финны, о ненадежности радиотехнических средств связи и управления, о неудобстве нашего зимнего обмундирования...

Если бы в эти минуты кто-нибудь посоветовал Звягинцеву подняться на трибуну и выступить, то он воспринял бы это так, точно ему предложили прыгнуть с самолета без парашюта.

Почему же он все-таки решился? Как все это случилось?..

А произошло это так.

То ли кому-то из военного руководства показалось, что совещание приняло слишком острый критический характер, то ли просто некоторые из военачальников почувствовали, что их самолюбию, престижу может быть нанесен слишком сильный удар, но так или иначе, в предпоследний день совещания Звягинцев ощутил в речах кое-кого из ораторов новый, несвойственный предыдущим выступлениям успокоенный тон.

Один из маршалов всю свою речь посвятил силе и доблести Красной Армии, прорвавшей неприступную линию Маннергейма, при этом не сказав ни слова о том, какой ценой достался нам этот прорыв.

«Зачем он об этом здесь, на таком совещании?!» — с горечью спрашивал себя Звягинцев. Разумеется, он, всю войну прошедший в войсках, не хуже других знал и о неприступности линии Маннергейма, самом сильном укреплении из тех, которые доселе были известны, и об отваге штурмовавших эту линию красноармейцев.

И когда об этом писали в газетах, Звягинцев принимал все слова как должные.

Но здесь, на таком совещании, в присутствии самого Сталина, который должен знать полную правду об этой войне...

Внезапно Звягинцеву показалось, что он снова там, на Карельском, и тогда все, все опять встало перед его глазами: снежные сугробы, застрявшие в них орудия, разбитые танки, обмороженные люди, затемненный Ленинград... В ушах засвистел ветер, и он уже не слышал ничего, кроме этого ветра, пулеметных очередей и взвизгиваний снайперских пуль. А потом все исчезло, все, кроме белого листка блокнота, лежащего перед ним на пюпитре.

И тогда, сам еще не сознавая, что делает, почти автоматически Звягинцев написал на этом листке: «Прошу слова», звание свое и фамилию, вырвал листок и чисто механическим жестом дотронулся до плеча сидящего перед ним бригадного комбрига.

Тот чуть повернулся, скосил на Звягинцева уголок глаза и протянул из-за плеча руку с растопыренными пальцами. И Звягинцев передал ему сложенную вчетверо записку.

Ощущение реальности всего происшедшего пришло к Звягинцеву минутой позже. Он понял, что совершил теперь уже непоправимую глупость: в отличие от большинства ораторов, не подготовившись, без написанного заранее текста, на таком — таком! — собрании попросил слова.

Его следующей мыслью было: задержать записку, не дать ей дойти до президиума, вернуть, изорвать на мелкие клочки. Звягинцев даже приподнялся, вглядываясь в спины сидящих перед ним людей, стараясь по их движениям определить, кто именно и кому передает в данный момент этот злосчастный листок. Но тщетно! Казалось, что все люди в передних рядах сидят не шелохнувшись или сосредоточенно делают записи в своих блокнотах.